

Санкт-Петербургский государственный университет

Институт философии

Кафедра философии науки и техники

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Выпускная квалификационная
работа соискателя на степень
бакалавра

Глотова Арсения

Владимировича

Научный руководитель:

д. ф. н., проф. **Шиповалова Л.В.**

Санкт-Петербург

2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1: Современный труд и ББД	9
1. 1. Социальная заработная плата: постсовременное производство и новый пролетариат.	10
1. 2. Проект левой контргегемонии: наемный труд и посттрудовое общество.....	21
1.2.1. <i>Идеология неолиберализма</i>	22
1.2.2. <i>Посттрудовое общество</i>	25
ГЛАВА 2: Сведение перспектив	29
2.1. Мир труда.....	29
2.2. Мир без труда.	33
2.3. Черты отличий и сближений.....	37
Заключение	40
Список литературы	41

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования

Труд входит в круг центральных философских понятий начиная с XVII века. Новое время поет оды труду, это время его политического и теоретического величия¹. В свою очередь, вторая половина XIX века и первая половина XX-го были «эрой рабочего»², как тяжела она ни была. Достаточно вспомнить какое политическое, философское и научное значение имели трудовая теория стоимости и антропогенеза, социалистические и коммунистические рабочие партии, интернациональное движение.

В сегодняшнем терминологически многоименном мире глобализации, третьей промышленной революции, постиндустриализации, постфордизма и постсовременности все решительным образом меняется. «Давайте скажем или допустим, что мир начинается там, где заканчивается труд <...>» — пишет Жак Деррида, указывая на существенную ассоциацию дискурсов глобализации³ и «конца труда», в поле действия которой происходит переоткрытие христианского языка ««братских уз», достоинств, “не сводимых без проблем к ... машинам”, “обновленного смысла» жизни, “воскрешения” сектора услуг, “возрождения человеческого духа”»⁴. Примечательно родственную альтернативу предлагают теоретики левого акселерационизма Алекс Уильямс и Ник Срничек: «В конечном итоге перед нами стоит выбор: воспевать труд и рабочий класс — или избавиться от них обоих»⁵.

¹ См.: *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина; Под ред. Д.М. Носова. — СПб.: Алетейя, 2000. — С. 103-174.

² См.: *Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт* / Пер. с нем. А. В. Михайловского; Под ред. Д. В. Скляднева. — СПб.: Наука, 2000.

³ Деррида использует французское понятие *mondialisation* (досл. миростановление), разводя его с английским *globalization* и немецким *globalisierung*.

⁴ *Деррида Ж. Глобализация, мир и космополитизм* / Пер. с фр. Д. Ольшанского // *Космополис. 2004. №2* (8). [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20090306043722/http://ec-dejavu.net/g/Globalization.html#derrida> (дата обращения 26.04.2021 г.).

⁵ *Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда* / Пер. с англ. Н. Охтин. — М.: Strelka Press, 2019. — С. 183.

Происходящий с 70-тых годов прошлого века радикальный сдвиг в способах общественного производства, проявляющийся в феноменах массовой автоматизации и прекаризации, когнитивного капитализма и капитализма платформ, «бредовизации» работы и «менеджерияльного феодализма»¹ непосредственно ставит перед философией задачу проблематизации и концептуализации современного состояния, ревизии традиций мышления о труде. И, как видно из предложенных выше понятий, эта работа уже идет.

Если обратиться к известным интеллектуальным движениям, которые сегодня напрямую обращаются к философскому понятию труда, то можно заметить противоречивую роль, которую оно играет. Если левый акселерационизм² и представители развивающейся посттрудо́вой теории³ призывают как можно быстрее начать «отключать всемирную машину труда»⁴, и тем самым «отобрать будущее у капитализма и построить себе такой мир XXI столетия, какой мы хотим»⁵, то в постопераизм⁶ продолжает настаивать на позитивно-созидательном и революционно-разрушительном аспекте рабочей силы⁷.

В теоретическом отношении также важна развернувшаяся в 60-тых годах и с тех пор, с переменным успехом, все более широкая и острая

¹ См.: *Гребер Д.* Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда / Пер. с англ. А. Арамян, К. Митрошенков — М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.

² Срничек Н. и Уильямс А. являются ключевыми авторами для этого движения. Напр. см.: *Срничек Н., Уильямс А.* Манифест акселерационистской политики // *Логос*. 2018. Т. 28. №2.

³ Напр. см.: *Weeks K.* The Problem with Work: Feminism, Marxism, Antiwork Politics, and Postwork Imaginaries. Durham. NC: Duke University Press, 2011.

⁴ *Гребер Д.* Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. С. 273.

⁵ *Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. С. 184.

⁶ К основным представителям постопераистской мысли обычно принято относить П. Вирно, А. Негри, М. Тронти, М. Лаззарато и Ф. Берарди. См. послесловие А. Пензина к работе: *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / Пер. с ит. А. Петровой. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. — С. 157-158.

⁷ Напр. см.: «Производительная сила капитализма — это война». Интервью с Маурицио Лаззарато. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/21286-mauritsio-lazzarato-proizvoditelnaya-sila-kapitalizma-eto-voyna> (дата обращения: 11.05.2021 г.).

дискуссия о введении безусловного базового (или основного¹) дохода, которую можно рассматривать как важный маркер происходящего сегодня «перехода от одной социокультурной модели к другой»². Если обратиться к распространенным сегодня «левым» версиям проекта ББД³, можно выделить две общие черты:

1. ББД призван устранить разрыв между широко понятым пролетариатом (всеми людьми) и средствами к их существованию.

2. Он также должен дать пространство для преодоления трудовой этики. Под последней имеется в виду мобилизованная идеологией неолиберализма круг установок, таких как: самореализации в конкурентной рабочей среде как главный источник осмысленности жизни; самодостаточная моральная ценность труда и связанных с ним страданий и превозмоганий; демонизация безработных и получателей социальных пособий и т. д.

Признавая историческое значение трудовой этики для формирования человеческой субъективности, «левая» мысль сегодня часто критикует ее негативность и лицемерие в современной ситуации на глобальном рынке труда. Расхожей политической стратегией становится направленная против трудовой этики дискредитация роли труда как «поставщика смысла» для человеческого существования⁴.

В этой работе мы собираемся исследовать, с одной стороны, особенности концептуализации труда в левом акселерационизме и исследованиях Д. Гребера, и в постопераиской мысли А. Негри, М. Хардта и

¹ Несмотря на не до конца устоявшееся словоупотребление, можно отметить в последнее время (2015-2021 гг.) переход приоритета к понятию *безусловного базового дохода* в русскоязычной исследовательской литературе. Далее в работе мы будем использовать его в сокращении — ББД.

² «Этот переход многоуровневый, он требует обновления этики, новых культурных кодов, переизобретения социальных институтов». См.: *Митрофанова А.* Между дерьмовой работой и работой заботы. [Электронный ресурс]. URL: <https://syg.ma/@sygma/miezhdu-diermovoi-rabotoi-i-rabotoi-zaboty> (дата обращения: 11.05.21 г.).

³ Последовательные «левые» программы ББД обычно артикулирует три требования: 1) чтобы он был достаточно высок, чтобы сам по себе обеспечивать приемлемый уровень жизни; 2) чтобы он выдавался без всяких условий; 3) чтобы он дополнял социальное государство, а не заменял его.

⁴ См.: *Маяцкий М.* Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля // *Логос.* 2015. Т. 25. №3. С. 81-83.

П. Вирно, с другой. Мы предполагаем, что с помощью анализа особенностей их концептуализаций можно наметить два «полюса» на «карте» современной философской мысли о труде.

Бруно Латур использовал для обозначения точек интеллектуального притяжения, по отношению к которым ориентируется сложная дискуссия, понятие аттрактора¹. Понятие «полюса» мы употребляем в схожем смысле. Различие «полюсов» мы понимаем через различие базовых философских установок, доминирующих концептуальных и терминологических решений, вытекающих политических проектов. Заметное различие установок этих «полюсов», а также пересечение их проблемных «горизонтов», является для нас основанием предположить, что наш анализ позволит фиксировать важные направления современной философской мысли о труде.

Следует остановиться на объяснении того, почему в философском исследовании понятия труда мы отдаем предпочтение преимущественно «левой» мысли. Для этого обратимся к различию «левого» и «правого», которое фиксирует Д. Гребер, и которое разделяем мы. Он пишет: «Можно показать, что исторически все различия между “левым” и “правым” сводятся главным образом к соотношению между ценностью и ценностями. Левые всегда пытаются уничтожить разрыв между двумя сферами, где преобладают исключительно корыстные интересы и благородные принципы; правые же всегда пытаются развести их еще дальше, а потом заявить о своих правах на обе сферы»². Исходя из этого, правая мысль разделяет, с одной стороны, труд как чисто экономическую категорию, основание которой лежит в традиционных иерархиях или в договоре независимых индивидов; с другой же, труд как категорию моральную, связанную с достоинством и духовным совершенствованием. Как раз в стремлении левых преодолеть этот разрыв и

¹ См.: Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации / Пер. с фр. А. Шестакова. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — С. 54.

² Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. С. 355.

мыслить труд как единое понятие мы видим основание правомерности претензии левой мысли быть философией труда *par excellence*.

Состояние проблемы в современной исследовательской литературе

Проблема труда в контексте постиндустриальных способов производства — одна из ключевых для современной левой мысли. Большинство исследователей так или иначе к ней обращаются, поэтому привести их всех здесь было бы затруднительно. Исходя из контекста данной работы, можно перечислить следующих крупных авторов, в работах которых философская проблематизация современного труда эксплицитно соседствует с проблематикой ББД: А. Горц, Д. Рифкин, Ж. Деррида, М. Хардт и А. Негри, П. Вирно, Н. Срничек и А. Уильямс, М. Маяцкий, Д. Гребер, С. Жижек. Из множества социальных ученых, занимающихся смежными проблемами, можно выделить Т. Пикетти и Г. Стендинга.

В современном философском дискурсе труда все так же важны труды Ш. Фурье, Г. Гегеля, К. Маркса и Ф. Энгельса, В. Ленина, В. Бенямина, Г. Лукача, М. Лифшица, Э. Ильенкова, Э. Юнгера, Б. Поршнева, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Х. Арндт, Г. Маркузе, Г. Дебора, Ю. Хабермаса и др.

Предмет и объект исследования

Объектом исследования является философское понимание труда.

Предметом исследования является базовое расхождение способов концептуализации труда в современной левой философии.

Цель и задачи исследования

Цель исследования является анализ важных направлений в современной философской проблематизации труда путем рассмотрения сходств и различий двух «полюсов» притяжения, которые должны быть выделены в процессе сопоставления избранных авторов.

Цель исследования предполагает решение следующих конкретных задач:

1. Рассмотреть сходства и различия в отношении авторов к проекту ББД.
2. Выявить проблему(ы), на основании разного подхода к которым организуется «распределение» позиций на выделенных «полюсах».
3. На основании п.1 и п.2 выявить значимые тенденции в развитии концептуализации труда в современной философии.

Методы исследования

Соответственно цели и задачам исследования избирается *аналитический* и *проблематический* методы¹ рассмотрения понятия труда в современной философии. В связи с задачей выявления сходств и различий направлений концептуализации, мы также будем использовать *компаративистский* подход. В связи с задачей понимания историко-философской традиции, которой наследуют рассматриваемые подходы, будет необходим *герменевтический* метод.

Положения, выносимые на защиту

1. В современных способах концептуализации труда можно выделить два конфликтующих направления (мы условно назовем их онто-политическим и посттрудовым), различия которых зависит от понимания смысла современного капиталистического состояния.
2. Возможным плодотворным продолжением концептуальной работы над понятием труда в философии может быть разработка такого понятия, в котором момент воспроизводства был бы понят вне зависимости производственной логики роста.

¹ См.: Шиповалова Л. Научная объективность в исторической перспективе: дис. док. филос. н. — СПб., 2014. — С. 23-24. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.spbu.ru/userfiles/kathedras/scitech/Shipovalova/Shipovalova-dissertazia.pdf> (дата обращения 29.04.2021 г.).

ГЛАВА 1: Современный труд и ББД.

Мы не берем на себя задачу хоть сколь-нибудь достаточного обзора программ, проектов, суггестивных стратегий и аргументов, спутанных вокруг безусловного базового дохода¹. Как отмечают Н. Срничек и А. Уильямс: «В зависимости от подачи, ББД может получить поддержку всего политического спектра — либертарианцев, консерваторов, анархистов, марксистов и феминисток. Преимущества этого требования отчасти кроются в его амбивалентности, которая дает возможность обеспечить ему широкую народную поддержку»². Эта же амбивалентность является источником тревоги и подозрения для части левых теоретиков. Например, Э. Кальп критикует левый акселерационизм за технологический оптимизм и недооценку угрозы последствий от возможного «чудовищного политического альянса» с либертарианцами и передовым капиталом, который может привести к ещё большей эксплуатации³. Подобные опасения высказывает и Славой Жижек, который видит в заявлениях представителей крупнейших «прогрессивных» корпораций⁴ о конце знакомого нам капитализма и необходимости принятия «контрмер» (таких как ББД) «капиталистическую версию его собственного конца, где всё поменяется лишь для того, чтобы оставить базовую структуру господства неизменной»⁵.

Другой стороной этой тревоги выступает особый режим надежды, который Михаил Маяцкий фиксирует так: «В эсхатологическом и, прямо скажем, катастрофическом горизонте, в котором наша планета оказалась в начале XXI

¹ Подробнее напр. см.: *Standing G. Basic Income: And How We Can Make It Happen. London, 2017.*

² *Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. С. 174.*

³ См.: «Мы можем ненавидеть мир с любовью». Интервью с Эндрю Кальпом // *Логос. 2020. Т. 30. №5. С. 46.*

⁴ В разных формах перспективу введения ББД публично поддерживают Б. Гейтс, И. Маск, М. Цукерберг и др.

⁵ *Жижек С. Актуальность манифеста коммунистической партии / Пер. с англ. В. Квачева., В. Терентьев, Д. Цымбала., И. Хадаева, Н. Третьякова, С. Грехов. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/zizekdaily?w=wall-185255911_12744 (дата обращения 22.04.2021 г.).*

века, сама тема безусловного пособия звучит как неслыханное обещание и сияет как уже нежданный луч света в сгустившейся было навсегда тьме»¹. Так или иначе, положительная дискуссия о ББД является одной из важных точек консолидации современной левой мысли и политики.

В двух следующих параграфах мы рассмотрим своеобразие перспектив, с которыми подходят к проблеме концептуализации современного труда А. Негри, М. Хардта и П. Вирно (в первом), и Н. Срничек, А. Уильямс и Д. Гребер (во втором).

Обращаясь к этим сюжетам, мы в меньшей степени будем приостанавливать непосредственное употребление термина «труд» — действие, к которому нас призывает избранные *аналитический* и *проблематический* методы. Мы считаем это оправданным, так как, в данном случае, предполагается работа с минимально отстоящими от нас во времени текстами, претендующими схватывать существенный смысл происходящих непосредственно в *нашей* современности перемен. Способность оценить такую претензию предполагает скорее задействование горизонта наших интуиций, чем аналитических способностей, а также особую презумпцию доверия к текстам, которая поможет нам защищаться от привычных ходов господствующего здравого смысла.

1. 1. Социальная заработная плата: постсовременное производство и новый пролетариат.

Требование права на социальную заработную плату (гражданский доход), наравне и в связи с правом на глобальное гражданство и реапроприацию средств производства, рассматривается Хардтом и Негри как

¹ *Маяцкий М.* Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля. С. 74.

средство обретения массами политической субъектности¹. Уже в следующей совместной работе авторы заменили вызывающее посторонние коннотации понятие «масс» понятием «множества»², которое в схожем смысле использует Паоло Вирно. Это позволяет в избранном контексте рассматривать их анализ как взаимодополняющий и, где это уместно, заменять понятие масс из «Империи» на понятие множества.

Чтобы начать распутывать сложный клубок концептуальных смещений и изобретений, предлагаемый рассматриваемыми авторами, обратимся к понятию производительного труда.

Для Маркса производительность труда напрямую связывалась с его способностью создавать прибавочную стоимость³. Он разрабатывал диалектическую теорию наступающей индустриальной эпохи, для которой в конце концов стало свойственно рассматривать производительный труд через призму труда заводских рабочих. Саму производительность тогда можно было бы отождествить с появлением «автономного законченного продукта», «независимого произведения»⁴, продолжающего существовать после завершения трудового процесса и, тем самым, способного удерживать в себе прибавочную стоимость. Изменения этого (до сих пор многими разделяемого) смысла производительности позволяет нам сделать первый шаг к миру постсовременности, из перспективы которой главный источник такой производительности — промышленный рабочий класс — представляет «собой лишь частный момент в истории пролетариата и его революций в тот период, когда капитал был способен свести стоимость к мере»⁵. Вспомним, для Маркса меновую стоимость создает абстрактно-всеобщий труд, собственным

¹ См: Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М.: Праксис., 2004. — С. 363-374.

² См.: Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Культурная революция, 2006.

³ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / Пер. с ит. А. Петровой. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. — С. 56.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Хардт М., Негри А. Империя. С. 370.

определением которого является время как *мера*: «Как количественное бытие движения есть *время*, точно так же количественное бытие труда есть *рабочее время* (все курсивы мои — А. Г.)»¹.

Итак, классический анализ капиталистического трудового процесса Маркса позволяет выделить три характеристики труда, обеспечивающие его «сводимость» к мере:

1. Имеет место производство автономного законченного продукта, а значит есть и возможность фиксировать время, затраченное на его изготовление.

2. Возможно нивелировать индивидуальные различия рабочих путем введения нормы выработки: «Рабочее время высчитывается в соответствии со средней технической нормой, господствующей в производстве, и тогда время, определяющее меновую стоимость, становится “общественно необходимым рабочим временем”»².

3. Существует рынок, куда изделие попадает в качестве товара. На рынке определяется, удовлетворяет ли товар общественную потребность, т.е. было ли затрачено на его производство общественное рабочее время³.

Дополнительно выделим ещё один пункт:

4. Когда это нужно, капитал обеспечивает приобретение рабочими соответствующую характеру производства квалификацию. Затраченные средства в этом случае количественно измеримы (напр.: время обучения, пособия, расходы на содержание образовательных учреждений и т. д.).

Эти характеристики труда (вместе с отсутствием собственности на средства производства и необходимостью продавать свою рабочую силу капиталу) есть формальные условия «однородности лишения»⁴, формирующей пролетариат как промышленный рабочий класс. Им очерчивалась

¹ Маркс К. К критике политической экономии — Л.: Госполитиздат., 1949. — С. 14.

² Маркузе Г. Разум и революция / Пер. с англ. А. П. Шурбелева. — СПб.: Владимир Даль., 2000. — С. 380.

³ Там же. С. 384.

⁴ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. С. 143.

территория *производительного* труда, остальные же его виды чаще рассматривались как *воспроизводящие* или *непроизводительные*¹.

Хардт и Негри утверждают, что современное производство, а вместе с ним и труд, совершается «по ту сторону меры», в поле чистой имманенции². «<...> в биополитическом контексте Империи» — пишут они — «производство капитала, как никогда ранее, оказывается соединено с производством и воспроизводством самой общественной жизни, и потому становится все сложнее проводить различия между производительным, воспроизводящим и непроизводительным трудом. Труд — будь то материальный или аматериальный, умственный или физический — производит и воспроизводит общественную жизнь, и одновременно эксплуатируется капиталом»³.

Свое понимание биовласти и общественного воспроизводства авторы «Империи» возводят к работам Ж. Делеза и Ф. Гваттари⁴, которые возобновляют традицию материалистической мысли и фокусируют наше внимание на «онтологической основе» общественного производства⁵. «Производят машины. Непрерывное функционирование социальных машин, представленных множеством аппаратов различной сборки, производит мир вместе с субъектами и объектами, его составляющими»⁶. Открывающуюся здесь перспективу мы бы охарактеризовали как произошедшую в нашем воображении и мышлении *денатурализацию воспроизводства*⁷. Социальные формы не сохраняются и не воспроизводятся «естественным» образом, а

¹ См.: Хардт М., Негри А. Империя. С. 370.

² Там же. С. 329-334.

³ Там же. С. 370-371. Мы не будем останавливаться подробнее на предлагаемой Хардтом и Негри концепции «Империи», а сфокусируем внимание только на предложенном анализе труда. Подробнее об «Империи» см.: Там же.

⁴ Напр. см.: Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. С фр. Д. Кралечкина. — Екатеринбург: У-Фактория, 2008. — С. 11-82.

⁵ См.: Хардт М., Негри А. Империя. С. 40.

⁶ Там же. С. 40.

⁷ О кризисе «естественности» существования напр. см.: Митрофанова А. О феминизме как одной из новых философий, его связи с новым материализмом и хрупкости жизни // Лес. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://1-e-s.online/feminism-mitrofanova> (дата обращения 02.05.2021 г.).

устойчивость их существования скорее есть эффект стабильного функционирования сложных материальных ассамбляжей¹. В функционирование таких ассамбляжей непосредственно включены и мы, вместе с нашими телами, практиками, интеллектуальными, лингвистическими и аффективными способностями. Приблизительно в таком ключе, мы полагаем, следует понимать утверждение, что «пролетариат производит во всей своей всеобщности, повсюду и в течение всего дня»². Следствия *денатурализации воспроизводства*, очевидно, работают и ретроспективно: нам следует признать, что так было всегда. Какой же особенной проблеме тогда отвечает концепт биовласти? Здесь Хардт и Негри отсылают нас к работам Мишеля Фуко, в которых он прослеживал историю Нового времени как переход от *дисциплинарного общества* к *обществу контроля*³. Понятие биовласти служит для концептуализации властной парадигмы, действующей в *обществах контроля*: «Биовласть является такой формой власти, которая регулирует общественную жизнь изнутри, следуя ей, интерпретируя, поглощая и заново артикулируя ее. Власть может достичь действительного контроля над всей жизнью общества только тогда, когда она становится неотъемлемой, жизненной функцией, которую каждый индивид принимает и выполняет по собственному согласию. <...> Наивысшая функция этой власти — охватить все сферы жизни, а ее важнейшая задача — управление жизнью. Таким образом, биовласть обращается к ситуации, в которой ставка делается непосредственно на *производство и воспроизводство самой жизни* (все курсивы мои — А.Г.)»⁴. Биовласть стремится проникнуть в тела и сознания

¹ Здесь можно отослать к проекту виталистического материализма Джейн Беннетт и разрабатываемой ею теории ассамбляжей. См.: *Беннетт Д.* Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / Пер. с англ. А. А. Саркисянца. — Пермь: Гиле Пресс, 2018.

² *Хардт М., Негри А.* Империя. С. 371.

³ Там же. С. 35. Авторы указывают, что этот переход эксплицитно не обозначен Фуко, но может быть наглядно доказано, что он подразумевается в ряде его работ. Подробнее см.: Там же. С. 384.

⁴ Там же. С. 36.

индивидов так, что «социальное тело целиком поглощается машиной власти и развивается в ее виртуальности»¹.

Чтобы эффективно прояснить связь между понятием биовласти и тем марксистским по духу дискурсом, в котором начинало развиваться наше рассуждение, обратимся за объяснениями к Паоло Вирно. Он видит предпосылку биополитики в фундаментальной характеристике рабочей силы как *dynamis*'а². Рабочая сила у Маркса означает потенциальную способность производить как таковую³, которая как раз как потенция неотделима от «живой личности» ее продавца: «Живое тело рабочего является субстратом этой рабочей силы, которая сама по себе не обладает независимым существованием. “Жизнь”, чистый и простой *bios*, приобретает специфическую важность в качестве вместилища чистой потенции, *dynamis*»⁴. Можно сказать, что страсть власти как можно более полно распоряжаться рабочей силой идет по линии, на горизонте которой выступает сама жизнь как ее субстрат. Так происходит новая спайка власти и жизни, в которой первая переживает решительную трансформацию, переставая выполнять функцию посредника между различными социальными силами⁵. Вместо этого она стремится следовать каждому движению на социальном теле, каждому его «лоскутку», онтологически размещаясь в «максимальной множественности и безграничной сингуляризации», в среде «события»⁶.

Онтологическая соположенность производства как процесса самой жизни и биовласти требует, по Хардту и Негри, разработки нового понятия труда «с точки зрения деятельности субъекта, создающей и воссоздающей мир

¹ Там же. С. 37.

² В традиции русских переводов Аристотеля — «возможность».

³ «<...> совокупность физических и духовных способностей, которым обладает организм, живая личность человека». Цит. по: Маркс К. Энгельс Ф. Собрание сочинений, 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1960. Т. 23. С. 178.

⁴ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. С. 100-101.

⁵ Хардт М., Негри А. Империя. С. 38.

⁶ Там же. С. 38.

в его целостности»¹. Для этого они используют понятие *виртуальности*, наследуемого ими по линии Бергсон-Симондон. «Под виртуальностью мы понимаем совокупность принадлежащей массам способности действовать (быть, любить, преобразовать, творить)»². Труд тогда является тем, что обеспечивает актуализацию способностей, (всегда до конца нам неизвестных³; расположенных в открытом плане виртуальности), воплощает их как «действующие» *возможности*, и тем самым производит *действительное*. «Живой труд — вот что создает коридор для перехода от виртуального к действительному; это — средство осуществления возможности»⁴. Положение между виртуальным, возможным и действительным предполагает, что каждый трудовой акт сохраняет связь с чистой творческой потенцией: он способен быть производительным переизбытком «по отношению к существующему порядку и правилам его воспроизводства»⁵. В качестве неограниченной кооперации труд нацелен на разрушение любых препятствий и ограничений, он есть сила самовозрастания, «которая превосходит саму себя, сливается с другими и посредством такого слияния создает растущую, расширяющуюся общность»⁶.

Это понятие труда стремится выразит его чистую позитивность, которая в качестве механизма неограниченного онтологического созидания выступает в истории вместе со своей противоположностью — имперским господством, чистым подавлением, не содержащим в себе ничего утвердительного⁷. Чтобы адекватно оценить оправданность такого хода, нам пришлось бы выйти за границы нашего исследования, обратившись к политическим аргументам

¹ Там же. С. 332.

² Там же. С. 332.

³ Делез Ж. Спиноза // Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / Пер. с фр. — М.: ПЕР СЭ, 2001. — С. 337-342.

⁴ Хардт М., Негри А. Империя. С. 332.

⁵ Там же. С. 332.

⁶ Там же. С. 333.

⁷ См.: Там же. 334-336.

«Империи». С другой стороны, оставить это понятие труда совсем без прояснения нельзя, ведь оно выходит далеко за круг привычных ассоциаций. Действительно, одинокое переживание тревоги или же дружеский разговор не просто представить себе как труд. А, кажется, именно это для Хардта и Негри является выводом из концептуального признание «производства и воспроизводства бытия и, таким образом, признание того, что политическая реальность создается динамикой желания и практической реализацией труда как стоимости»¹. И всё же нужны веские основания, чтобы определить труд как «просто *способность действовать*», или же как «совокупность социальной деятельности как таковой»². Мы предлагаем приблизиться к ним не со стороны онтологии современного труда, а через его феноменологию и социологию, которые, как подразумевается, должны показать нам от противного необходимость такого расширения.

Вспомним приведенные нами четыре условия «сводимости труда к мере» в классическом марксизме и постараемся организовать аргументы Хардта, Негри и Вирно соответственно с ними.

В оппозицию **первому пункту**, все более расширяющаяся сфера современного труда больше не сводится к производству законченного продукта, при этом в передовых экономиках она производит наибольшую добавленную стоимость: «<...> как в процессе модернизации все области производства стремились к тому, чтобы приобрести промышленный характер, так в процессе постмодернизации все производство тяготеет к производству услуг, к тому, чтобы стать информационным»³. Хардт и Негри выделяют три главных аспекта современного аматериального труда: коммуникативный труд промышленного производства⁴, интерактивный труд анализа символов и

¹ Там же. С. 337.

² Там же. С. 332-333.

³ Там же. С. 268.

⁴ Подробнее напр. см. отличие фордизма от тойотизма.: Там же. С. 271-272.

решения задач¹, а также труд, связанный с производством аффектов². Центральной особенностью аматериального труда является то, что «кооперация всецело присуща трудовой деятельности как таковой»³, что «обязанности рабочего или служащего не заключаются больше в достижении единой конкретной цели, а состоят в варьировании и усилении общественной кооперации»⁴. Соответствующие такому труду «средства производства» заключаются в техниках и процедурах коммуникации⁵. Производство стоимости происходит благодаря задействованию всеобщих лингвистических, интеллектуальных (General Intellect) и аффективных способностей. Как характерно пишет Вирно, происходит «включение самого антропогенеза в способ действующего производства»⁶, а «общественное богатство производится наукой, с помощью General Intellect, а не трудом отдельных индивидов. <...> Наука, информация, знание в целом, кооперация представляются опорой производства. Именно они, а не время труда»⁷. Следствием этого является размытие границы между «временем труда» и «временем жизни». Благодаря доиндивидуальной подключенности к языку, памяти, социальности, этическим и эстетическим способностям, абстрактному мышлению, способности к обучению и аффектации «не труд» также является производительным и открытым для эксплуатации капиталом так, что значительная часть прибавочной стоимости производится «зиянием между неучтенным временем производства и собственно временем труда»⁸.

Из-за вышеперечисленных особенностей уже проглядывают сложные и противоречивые отношения современного труда ко **второму пункту**.

¹ Имеется в виду широкий круг трудовых задач, обычно относящийся к информационному сектору экономики. Подробнее см.: Там же. С. 272-274.

² Это понятие объединяет то, что в современной исследовательской литературе часто называют «трудом заботы», а также широко понятую индустрию производства развлечений.

³ Там же. С. 275.

⁴ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. С. 70.

⁵ Там же. С. 69.

⁶ Там же. С. 72.

⁷ Там же. С. 129.

⁸ Там же. С. 135.

Нивелирование индивидуальных различий через норму выработки оборачивается развитием неприкрытой личной иерархической зависимости¹.

Третий пункт претерпевает изменения в том, что коммуникативный труд (как в случае с тойотизма) стремится перевернуть и сократить дистанцию между производством и потреблением так, что создается впечатление «всегда уже» согласованности спроса и предложения.

Касательно **четвертого пункта**, развитие профессиональных навыков, задействованных в новых типах труда, куда в большей мере опираются на глубокую внутрудовую социализацию, или же происходит в процессе самообучения, который стимулируется ситуацией «нестабильной и негарантированной занятости»².

Эти особенности трудовой деятельности приводят к необходимости переопределения понятия пролетариата, который, по Хардту и Негри, следует определять максимально широко «как широкую категорию, охватывающую всех тех, чей труд прямо или косвенно эксплуатируется и подчиняется капиталистическим нормам производства и воспроизводства»³. Встает вопрос: возможно ли для современного человека не принадлежать к такому пролетариату? Последовательно принимая позицию авторов, можно утверждать, что в рамках глобального человечества — нет. Решение о полном неучастии в развернутом в масштабе Земли общественном производстве было бы равнозначно существованию в полностью непроницаемой для глобальных процессов локальности, где полностью остановлена коммуникация с внешним. Присутствие любого рода коммуникации приносит с собой «пролетаризацию» на доиндивидуальном уровне через язык, чувственность, интеллект — ведь именно там размещаются задействованные капиталом средства производства: «Обширный ландшафт биополитического

¹ Там же. С. 36-39.

² Там же. С. 105.

³ Хардт М., Негри А. Империя. С. 62.

производства позволяет нам, наконец, признать абсолютную всеобщность понятия пролетариата»¹.

Характерно, что Хардт и Негри не рассматривают практического образа осуществления права на социальную заработную плату², но это требование простирается дальше привычной левой формулировки ББД, предполагающей сохранение «небезусловной» части индивидуального дохода, состоящей из рыночной зарплаты и условных социальных выплат. Социальная заработная плата же, в свою очередь, подразумевает полную отмену режима оплаты наемного труда. Современный труд не может быть индивидуализирован и измерен, он непосредственно «возвращается к коллективному существованию»³. Невозможность из него выйти с одной стороны, и творческие силы самой жизни с другой, делает каждого члена общества и каждый вид деятельности необходимым для производства и воспроизводства стоимости, а значит должен быть оплачен. Это долженствование не исходит из какой-либо трансцендентальной нормативности, а является следствием конституции множества, его «феноменально проявляющейся онтологии»⁴. Продолжение использования термина *оплаты труда* тогда, с одной стороны, подразумевает политическое движение к выходу из контекста социального вознаграждения, с другой же, указывает на наличные формы коллективного желания (ББД), конкретно-историческую линию онтологического становления множества.

¹ Там же. С. 371.

² Такой вывод ограничен рассмотренной в рамках работы литературой. В ней, касательно конкретной реализации, Хардт и Негри отсылают к существующим исследованиям и инициативам, связанным с ББД. Напр. см.: Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. С. 174.

³ Хардт М., Негри А. Империя. С. 370.

⁴ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. С. 123.

1. 2. Проект левой контргегемонии: наемный труд и посттрудовое общество.

В третьем из десяти тезисов, завершающих цикл лекций Паоло Вирно о *множестве* и современном капитализме, он утверждает, что «преодоление общества труда происходит в формах, предписанных социальной системой, базирующейся на наемном труде»¹. Тем самым он призывает удерживать существующее напряжение между «действительностью» и «не истинностью» времени труда как единицы измерения. У Хардта и Негри это напряжение радикализируется в утверждении онтологической негативности формы наемного труда для современного производства, где он работает как чистая машина контроля и подавления, которая может и должна быть преодолена в процессе политизации множества.

На основании своего анализа, Вирно делает вывод о том, что произвольный характер наемного труда и его оплаты ставит совокупность современной рабочей силы в положение, которое Маркс характеризовал как «резервную армию труда»². Анализ современного функционирования системы наемного труда Ника Срничека и Алекса Уильямса можно рассматривать как критику этого положения.

Подобное «уравнение» рабочей силы перед лицом капитала не позволяет различить системно растущее неравенство в распределении доступа к средствам существования, базовой лишенностью которых при капитализме определен пролетариат.

Здесь было бы излишне подробно останавливаться на экономических аспектах аргументации Срничека и Уильямса. Их главный научный тезис, приводящий к необходимости переосмыслить понятие труда и его место в

¹ Там же. С. 129.

² Там же. С. 130.

наших культурах, заключается в том, что современный капитализм характеризуется прогрессирующим нециклическим¹ ростом «избыточного населения», то есть множества «людей, находящихся за пределами наемного труда в условиях капиталистического производства»². Социальные механизмы³, приводящие к этому: технологические изменения (автоматизация), первоначальное накопление⁴ и активное исключение⁵. Авторы указывают, что различные оценки приводят к выводу, что численность глобального «избытка» населения уже превосходит по численности активный рабочий класс⁶. Растущая неспособность капитализма создавать достаточное количество рабочих мест рискует стать катастрофической в следующие два десятилетия, так как за это время автоматизация может затронуть от 47 до 80% существующих сейчас рабочих мест⁷.

Дальнейшее изложение взгляда Срничека и Уильямса мы разделим на две части. В первой кратко разберем предложенную авторами критику неолиберальной идеологии и ее следствия в отношении труда, а во второй рассмотрим их проект посттрудового общества и преодоления трудовой этики.

1.2.1. Идеология неолиберализма.

Срничек и Уильямс рассматривают неолиберализм как победивший в глобальном пространстве за последние 50 лет проект культурной гегемонии, формальным началом которого можно считать возникновение в 1938 году в

¹ См.: Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. С. 128.

² Там же. С. 300.

³ Там же. С. 132.

⁴ В основном в регионах, для обозначения которых раньше использовались понятия «третьего» и «четвертого» мира.

⁵ Имеются в виду рабство, расизм, сексизм и другие виды исключения.

⁶ См.: Там же. С. 133.

⁷ См.: Там же. С. 129.

Париже исследовательского центра «За обновление либерализма»¹, а первым решительным шагом — образование общества «Мон-Пелерин»².

Неолиберализм массово производит свой собственный тип субъективности и коллективного здравого смысла. Основные его черты — частная и публичная жизнь понимается через призму конкуренции и коммодификации, «предприятия себя»³; «беспрестанное образование, вездесущее требование трудоспособности, постоянная нужда в самообновлении»⁴; уважение к личной свободе как отсутствию препятствий к «естественному» стремлению к материальной независимости, самодостаточности, личной инициативе и предпринимательству; «ценность, приписываемая тяжелому труду, свобода от жесткой рабочей недели, самовыражение в работе, вера в меритократию, разочарование в коррумпированных политиках, профсоюзах и бюрократии»⁵.

Левая критика неолиберальной идеологии часто акцентирует то, как та оборачивает в достоинства издержки постиндустриального рынка труда. В контексте же исследования Срничека и Уильямса важно подчеркнуть то, как она скрывает базовую лишенность большинства. Когда желание самореализации в конкурентной среде воспринимается как самодостаточное и независимое, то, с одной стороны, удача в этом только вторично указывает как на само собой разумеющееся на получаемый таким образом «по праву» доступ к средствам к существованию; с другой стороны, неудача становится неудачей именно в самореализации, оставаясь изолированной от остановки доступа к средствам к существованию, который так или иначе всегда сопутствует ей, выливаясь, например, в рост потребительского долга и практики бедности. Эта установка становится все более опасной по мере того, как «все больше

¹ См.: Там же. С. 83.

² См.: Там же. С. 83-86.

³ См.: Жижек С. Актуальность манифеста коммунистической партии. С. 18.

⁴ Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. С. 96.

⁵ Там же. С. 97.

работников стремятся занять все меньшее число рабочих мест»¹, ведь она всегда полагает перед индивидом открытый горизонт иных потенциальных самореализаций, скрывая тот факт, что на деле возможностей получения доступа к средствам существования через наемный труд становится все меньше.

Эту критику можно продолжить одним из направлений, которое развивал Дэвид Гребер, обогащая рассмотренные положения. Если Срничек и Уильямс говорят со стороны тех, кто не может найти оплачиваемую работу, то Гребер со стороны тех, кто ее имеет в нынешних обстоятельствах. Рассматривая современный рынок труда, он фиксирует обратную зависимость между осознаваемой пользой, которую приносит работа, и ее оплатой². С оговорками, Гребер развивает положение о том, что современное общество характеризуется распространением бессмысленного труда, связанного с произошедшим системным сокрытием результатов технического развития. Результаты этого сокрытия приводит к «феодализации» экономики: «Чем сильнее экономика сводится к простому распределению добычи, тем больше смысла в неэффективных и ненужных управленческих иерархиях, поскольку именно такие формы организации лучше всего подходят для того, чтобы выкачивать как можно больше ресурсов. Чем меньше ценность работы зависит от того, что она производит и какую пользу она приносит другим, тем больше работа начинает цениться в первую очередь как форма *самопожертвования* (курсив мой — А. Г.)»³.

Таким образом в «бредовизирующей» нелиберальной экономике самореализация часто связана с самопожертвованием на бессмысленном рабочем месте и нравственной завистью⁴ к тем, кто занимается очевидно полезным трудом.

¹ Там же. С. 135.

² Напр. см.: Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. С. 298.

³ Там же. С. 344.

⁴ См.: Там же. С. 345-350.

1.2.2. Посттрудовое общество.

Из рассмотренной нами работы Срничека и Уильямса можно сделать вывод, что они видят политическую необходимость отстаивать приоритетную значимость формы, в которой осуществляется труд в современном капитализме, а именно — смысл труда как наемного труда: «Под “работой” мы подразумеваем наши рабочие места или оплачиваемый труд: время и усилия, которые мы продаем кому-то в обмен на доход»¹. Вне зависимости от изменения в постиндустриальном характере производства, в тотальном своем большинстве мы все также находимся в зависимости от наемного труда как способа выживания. Разрастающийся сегодня кризис его института есть для авторов предпосылка возможности развития проекта левой контрgegемонии. Нам нужно снова сделать для себя ясным положение Маркса о труде как товаре: «Рабочий стал товаром, и счастье для него, если ему удастся найти покупателя»². Самостоятельное, стабильное существование труда как товара обеспечивается тем, что его продавец поставлен в условия необходимости продажи. Этим задается фундаментальное «неравенство сил», существующее между трудом и капиталом, которое призван «опрокинуть» ББД, делая труд «по-настоящему добровольным»³.

Требование введения ББД⁴ сочетается в проекте Срничека и Уильямса с требованиями полной автоматизации, сокращения рабочей недели и преодоления трудовой этики⁵. Обратимся к последнему из них.

В том значении, которое придается этическим установкам внутри, казалось бы, напрямую восходящей к Марксу мысли, можно увидеть черты

¹ Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. С. 125.

² Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Из ранних произведений — М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. — С. 523.

³ См.: Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. С. 174-175.

⁴ Который сам по себе должен обеспечивать приемлемый уровень жизни, выдаваться без всяких условий и дополнять социальное государство, а не заменять его. См.: Там же. С. 173.

⁵ Там же. С. 184.

изменений, происходящих в современной политической теории, которые Джейн Беннетт фиксирует как признание того, что «только соответствующая чувственность и “аффективный ландшафт” позволяют моральным принципам обрести жизненную силу»¹.

Для Маркса правильная теория уже является осознанной практикой². Комментируя это положение, Лукач пишет, что правильное познание общества пролетариатом напрямую становится шарниром революционной практики. Сама теория есть «мыслительное выражение революционного процесса»³. В этом смысле, сознание должно обнаружить складывающуюся из «человеческих волений (курсив мой — А.Г.)» и «независимую от человеческого произвола» цель⁴. Это значит, что сама история должна сложить аффективный ландшафт революционного класса. В этом важном пункте современная политическая теория расходится с классическим марксизмом. Аффекты, выступая «посредниками в отношениях между доиндивидуальным и индивидуализированным»⁵, могут быть могущественными союзниками или противниками любых политик, в то время как доминантные политики всегда вступают в альянс с относительно автономным аффективным ландшафтом⁶. «Культурные формы» как такие альянсы обладают «силой сопротивления», которая не позволяет нашему сознанию легко превратить их «в собственный объект, поддающийся изменению и контролю»⁷.

Трудовую этику, с которой сражаются Срничек и Уильямс, на наш взгляд, можно понимать из этой перспективы как совокупность этических

¹ Беннетт Д. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. С. 12.

² См. Маркузе Г. Разум и революция — С. 408.

³ Лукач Г. Что такое ортодоксальный марксизм // История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике / Пер. с нем. — М.: Логос-Альтера, 2003. — С. 106.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. С. 94.

⁶ См. в отношении неолиберализма: Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. С. 96-97.

⁷ Беннетт Д. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. С. 25.

установок (укорененных в нашей здоровом смысле, чувственности и аффектах), которые, с одной стороны, поддерживают неолиберальную субъективность даже в период кризиса, с другой, выступают преградой для различных социальных и политических проектов, затрагивающих культурное значение труда¹. В основе трудовой этики, согласно авторам, лежат имеющие теологическое происхождение положения о связи вознаграждения и страдания, а также о страдании как условии осмысленности². В современной культуре она выражается в преданности «работе, какой бы ни была ее природа», ценности, приписываемой тяжелому труду, демонизации бедняков и безработных³. Трудовая этика удерживает базовое чувство справедливости в современном обществе, хотя сама сохраняет относительную автономию от института наемного труда. Когда только 13% опрошенных людей в мире считают свою работу привлекательной⁴, резонно предположить, что большая часть людей испытывают на работе тяжесть. Какую бы природу ни имела и как бы ни определялась заработная плата, на определенном уровне она воспринимается в трудовой этике как знак общественного признания и одобрения, как заслуженное вознаграждение за страдания.

Если трудовая этика до сих пор выражает гегемонный подход труду, то контргегемонный левый подход, по Срничеку и Уильямсу, должен отрицать идею о «необходимости и желательности работы, а также о страдании как основании для вознаграждения»⁵. «Те, кто потерял рабочие места, не должны бороться за то, чтобы их снова включили в общество труда, — лучше создавать условия для *воспроизводства своей жизни вне работы* (курсив мой — А.Г.)»⁶. Отметим формулировку: авторы подчеркивают ту роль, которую сейчас играет трудовая деятельность для большинства людей — в ней они

¹ Таких как ББД.

² Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. С. 181-182.

³ Там же. С. 179, 182.

⁴ Там же. С. 183.

⁵ Там же. С. 182.

⁶ Там же. С. 183.

воспроизводят свою жизнь. Имеется в виду не такое воспроизводство, которое предполагает *condition humaine* Ханны Арендт, т. е. не в смысле следствия из условий, «на каких человеческому роду дана жизнь на земле»¹. Речь идет скорее о воспроизводстве конкретного содержания человеческой жизни в его практиках и смыслах; скорее о том, что Феликс Гваттари называл *производством субъективности*². Но необходимость добывать средства к существованию неизбежно в той или иной мере окрашивает воспроизводство значением выживания. Стоит их развести, как *воспроизводство жизни* начинает выражаться, например, через вопрос, который часто звучит в ответ на призыв к миру без труда: «Но что же я тогда буду делать?»³ Посттрудовая контрgegемония предлагает нам желать будущего, где осмысленность и полнота человеческой жизни будет воспроизводиться за пределами труда: в дружбе, любви, искусстве, игре, науке и т. д.. Утверждается, что такое будущее становится прямо сейчас технически возможно и в современных социальных условиях необходимо, а значит может быть целью осмысленной политики.

¹ Арендт Х. *Vita active*, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. В. Библихина. — СПб.: Алетейя, 2000. — С. 14.

² См.: Дьяков А. Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. — С. 130-158.

³ Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. С. 180.

ГЛАВА 2: Сведение перспектив

В этой главе мы постараемся выделить общие черты тех «полюсов», о которых мы говорили во введении.

2.1. Мир труда.

На этом полюсе анализ современных форм экономического и социального производства приводит к необходимости переосмысления производительности труда в отношении производства и воспроизводства человеческого мира в его целокупности. В качестве яркого описания здесь можно использовать характеристику, которую П. Вирно дает нашей современности. Как он пишет, ее новизна состоит в том, что она «выводит на исторически-эмпирическую поверхность антропогенез как таковой, или сам генезис человеческого животного, его отличительные характеристики», такие как: «биологическая неискренность, неопределенный или *потенциальный* характер его существования, отсутствие определенной среды, лингвистический интеллект как “компенсация” нехватки специализированных инстинктов»¹.

Здесь в мысли о труде происходит признание того, что в производстве и воспроизводстве человеческого мира нет ничего естественного, никакой обеспеченной трансценденцией непереходящей формы. Следовательно, любая форма устойчивости и связности мира обеспечиваются постоянной работой строго имманентных ему сил. Появляется необходимость учесть и признать эти силы. Как говорит Алла Митрофанова, происходит

¹ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. С. 122-123.

«разгерметизация» существования. Потеряв свою невидимость и естественность, оно становится «политически пластичным»¹.

С точки зрения человеческой жизни, на этом полюсе «трудиться» начинает означать что-то очень близкое к тому, что и быть человеком. Из этого не следует, что всем нам в одинаковой мере *трудно* быть людьми, или что коллективный труд «быть людьми» равномерно распределен. Вообще, в этой перспективе вопрос о разделении труда должен быть поставлен заново².

Здесь феминистская теория приносит в мышление о труде линию «хрупкости существования»³; экологическая теория — разнообразие материалов и существ, включенных в производство и воспроизводство⁴; гуманитарная энергетика (*energy humanities*) — определяющую зависимость формы труда от характера задействованных в нем энергий⁵; теоретики постопераизма — наброски новой теории освобождения⁶.

Перспектива, которая отсюда открывается, дает понять, насколько всеобъемлющим должно быть понятие человеческого труда, если мы поставим себе задачу его дать. В нем *онтологическое*, *антропологическое* и *политическое* должны будут сочетаться непротиворечивым образом и при этом сохранять свои существенные моменты. Если еще раз вспомнить одно из определений, которое Хардт и Негри дают труду, а именно, что «живой труд» — это то, «что создает коридор для перехода от виртуального к

¹ См.: Митрофанова А. О феминизме как одной из новых философий, его связи с новым материализмом и хрупкости жизни.

² Представляется, что этот вопрос может быть еще более обогащен принятием в расчет максимального числа нечеловеческих акторов, неизбежно обеспечивающих производство и воспроизводство социального мира, который на самом деле никогда не был только человеческим. Напр. см.: Латур Б. Политики природы / Пер. с фр. Е. Блинова. — М: Ад Маргинем Пресс, 2018. — С. 72-111.

³ Помимо вышеназванного выступления Аллы Митрофановой, можно обратиться к работе К. Уикс, к которой в пограничном контексте отсылают Срничек и Уильямс: Weeks K. *The Problem with Work: Feminism, Marxism, Antiwork Politics, and Postwork Imaginaries*, Durham NC: Duke University Press, 2011.

⁴ Напр. см.: Цзин А. Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма / Пер. с англ. Ш. Мартынова. — М: Ад Маргинем Пресс, 2017.

⁵ Напр. см.: Земан И. О солярности: шесть принципов энергетике и общества после нефти / Пер. с англ. С. Бардашева. [Электронный ресурс]. URL: <https://syg.ma/@aleksanderbarda/o-soliarnosti-shiest-printsipov-energhietiki-i-obshchiestva-poslie-niefti> (дата обращения 10.05.2021 г.).

⁶ См.: Хардт М., Негри А. Империя. С. 363-380, и Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. С. 78-85.

действительному», являясь «средством осуществления возможности»¹, то теперь его широта и нерепрезентативность могут уже не казаться настолько озадачивающими. В этом определении действительно проглядывается попытка согласования онтологии, политики и антропологии: политика и онтология смыкаются посредством понятия *множества*, которое воплощает собой имманентные отношения первой и второй²; о связи антропологии и онтологии *множества* мы уже упоминали в начале параграфа; посредством связи с онтологией антропология получает доступ в сферу политического. Мысль о таком онто-политическом единстве стремится удерживать максимально возможную открытость пространству события³, чтобы не привнести никаких внешних ограничений в процесс сингуляризации множества, который происходит как имманентное коллективное становление всех его элементов⁴. В нашем контексте это означает, что по отношению к включенному в каждую трудовую ситуацию конкретному многообразию людей, их способностей, желаний и целей, линий детерминации и власти предложенное определение труда является неопределенным горизонтом. В этом смысле, оно сохраняет своего рода «герметичность», не позволяющую напрямую приложить его к нашему повседневному опыту труда.

Если все же попытаться выделить практические черты понимания труда на этом полюсе, то стоит отличить его от воспроизводящегося современностью смысла *работы*. Для мысли здесь становится существенной попытка ухода от той долгой, имеющей теологические корни⁵ традиции, окрашивающей труд моральными цветами добра и зла. Когда мы внимательно

¹ Хардт М., Негри А. Империя. С. 332.

² См.: там же. С. 329-336.

³ Об отрицании исторической детерминации у Хардта и Негри см.: там же. С. 58-59. Так же в этом контексте авторы придают большую значимость идее *материалистической телеологии*, возводя его к политической мысли Спинозы. См.: там же. С. 73-74.

⁴ Подробнее о конституировании множеством самого себя в процессе сингуляризации и индивидуации см.: Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. С. 88-97.

⁵ О теологических истоках понимания труда напр. см.: Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. С. 309-312, и Арендт Х. *Vita active*, или О деятельной жизни. С. 179-181.

слушаем и стараемся понять подругу, или же напеваем себе под нос песенку на прогулке, то эти занятия явно находятся *по ту сторону* обременительного смысла работы, «которая выполняется не ради нее самой и которую, вероятно, никто не стал бы выполнять ради нее самой (во всяком случае, продолжительное время)»¹. Легко представить такой родительский, исследовательский, дружеский или экологический труд, в котором явно видно отличие от работы, хотя он и может становиться нежеланным и обременительным.

Мы полагаем, что мысль здесь также стремится уйти и от другой стороны теологического наследия труда, получившей широкое распространение в Новое время. Речь идет о воспевании труда как формы человеческого господства над жизнью, природой, Землей, или же «более скромного воплощения Божественной силы самого Творца»². «<...> образ Прометеева бунта так же тесно породнился с представлением о *homo faber*, как образ преданного Богу благочестия в библейском смысле стал образцом жизни, которая благословенна, когда проведена в тяготах труда»³ — пишет об этом Х. Арендт. Поддерживающий труд, труд внимания и заботы, лингвистический труд⁴ или поход в магазин за продуктами — все эти формы сохраняют живую связь с внешним, пассивность наравне с активностью. Их зависимость и уязвимость совсем не являются слабостью, напротив, как раз они обеспечивают «связность» в производстве и воспроизводстве общего мира. Хардт и Негри видят *всеобщее* труда в том, что «желание, которое выражают массы в движении от виртуального к возможному, непрерывно осуществляется как *общее дело*. Только когда сформировано то, что является общим, может существовать производство и может расти общая

¹ Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. С. 310.

² Там же. С. 310.

³ См.: Арендт Х. *Vita active*, или О деятельной жизни. С. 179.

⁴ Например, когда мы пытаемся что-то выразить и подбираем слова.

производительность»¹. Общее дело же предполагает созависимость, постоянную сонастройку и «притирку» задействованных желаний и сил, а также экспериментирование в их сочетаемости. Здесь нет противопоставленных друг другу индивидов, а экологическая перспектива устраняет и противостояние с природой. Две уместные здесь идеи соперничества: борьба со всем тем, что препятствует становлению такого коллективного проекта, и соревнование сил за степень участия в *общем*, — обе порывают с идеями покорения и доминирования.

2.2. Мир без труда.

На этом полюсе нас в некотором смысле призывают спуститься с небес на землю: не дать себя обмануть каждодневными изменениями в постфордистских способах производства², а обратить внимание на наличное положение дел и количественные тенденции современной глобальной экономики. Из этой перспективы станет виден размах кризиса капиталистической формы производства, который уже сейчас затрагивает более половины трудоспособного населения Земли. Сама форма наемного труда вместе с глобальной пролетаризацией³ и автоматизацией приводит к необратимому росту избыточного населения. В условиях, когда новые рабочие места появляются по большей части в профессиях высокой квалификации, а экономическая стагнация приводит к тому, что автоматизированные рабочие места исчезают навсегда, неолиберальная идеология и новые практики контроля настроены так, чтобы формировать избыточное население в качестве «популярного, квалифицированного и гибкого», оказывающего «давление на

¹ Хардт М., Негри А. Империя. С. 333.

² См.: *Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. С. 300-301.

³ Имеется в виду трудность или невозможность для большинства людей некапиталистическим образом получить средства к существованию.

трудоустроенную часть населения»¹. Вместе с тем, государства осуществляют насильственный контроль за исключенными навсегда, в ряды которых в первую очередь попадают те, кто подвержен и другим логикам исключения². «Возникла система, которая производит и воспроизводит окончательное исключение из официальной экономики»³. В поисках средств существования, полностью исключенные вынуждены формировать некапиталистические формы экономики⁴, которые, даже если не подавляются государствами, в современных условиях чаще всего заведомо обрекают на глубокую бедность.

И так доходящая до абсурда бедственность положения усугубится, если вспомнить результаты исследования Дэвида Гребера, приводящих к выводу о том, что в развитых странах около 37% работающих людей⁵ считают свою работу бессмысленной и/или вредной, а еще около 23% занимаются обслуживанием их рабочих мест⁶. Большинство «бредовых» рабочих мест располагается как раз в разраставшемся начиная с 80-тых секторе работы с информацией⁷, в которой, согласно исследованию, «большинство работников <...> действительно убеждены, что если бы их работа исчезла, то мир бы не сильно изменился»⁸. В этом контексте начинает парадоксально звучать утверждение Вирно о лингвистически-виртуозном (политическом) характере

¹ Там же. С. 147.

² Там же. С. 131.

³ Там же. С. 150.

⁴ Там же. С. 142.

⁵ Зачастую в тайне. Краткий обзор исследования см.: «Рост количества бредовых рабочих мест». Интервью с Дэвидом Гребером / Пер. с англ. С. Лагутина. [Электронный ресурс]. URL: <https://akrateia.info/rost-kolichestva-bredovykh-rabochikh-mest/> (дата обращения 11.05.2021 г.).

⁶ См.: Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. С. 109. Гребер утверждает, что у нас нет лучшего источника, чем сам работник, чтобы узнать, бессмысленным или нет трудом он занят. Для доказательства этого приводятся два аргумента. Первый говорит о том, что нет более адекватного способа «измерить» несводимую к рыночной общественной ценность труда, чем спросить самого работника. А второй, что чаще всего нет никого более осведомленного в том, чем человек занимается на работе, и как его труд вписывается в более широкий контекст, чем он сам. См.: Там же. С. 43-51.

⁷ Под понятием *работы с информацией* Гребер подразумевает администраторов, консультантов, технических работников, бухгалтерский персонал, IT-специалистов и т. п.. См.: там же. С. 216. Это понятие часто рассматривают как часть более общего понятия *сферы услуг*. П. Вирно в близком значении использует понятие *индустрии коммуникаций*.

⁸ Там же. С. 217.

индустрии коммуникаций¹, ведь если согласится с Гребером, то получается, что политическим смыслом «бредовой» работы в этой сфере отчасти является конституирование «феодальной» системы распределения прибыли, изъятой из других сфер производства.

Вирно выделяет две стороны, в которых следует понимать понятие General Intellect. Во-первых, General Intellect как созданная посредством науки система машин. Во-вторых, как не застывающее в капитале коммуникативное взаимодействие «в форме эпистемологических парадигм, диалогических перформансов (performances) и языковых игр. Говоря другими словами, общий интеллект представляет единое целое с кооперацией, с коллективным действием живого труда, с коммуникативной компетенцией индивидов»². Индустрия коммуникации является тогда приоритетным местом производства и циркуляции коммуникативной стороны General Intellect. С учетом того, что в этой форме труда задействуются механизмы человеческой индивидуации³, коллективное осознание «бредовости» здесь значит, что сама наша способность к кооперации «восстала» против нас, создавая и воспроизводя разрушительные для *человеческого проекта*⁴ формы кооперации, которые затем используются в других отраслях производства⁵.

На этом полюсе постоянно звучит вопрос: почему мы можем вести себя так, как будто ничего из этого не происходит или же происходит, но как будто во сне? Резюмируя рассмотренных авторов, можно заключить, что обычно выводятся две главные взаимосвязанные причины: преследующую тревогу от

¹ См.: Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. С. 60-66.

² Там же. С. 75.

³ См.: Там же. С. 89-97.

⁴ Понятие *человеческого проекта* мы заимствовали у Ф. Гваттари из работы «Три экологии». Там он использует для того, чтобы указать на экологическую логику процесса субъективации. См.: Гваттари Ф. Три экологии.

⁵ Это согласуется с предположением Вирно о том, что индустрия коммуникации в постфордизме является индустрией средств производства. См.: Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. С. 68.

положения негарантированности доступа к средствам существования и работу института социального одобрения и вознаграждения за труд.

На этом полюсе сама идея ББД представляет большую ценность, потому что прокладывает путь освобождения для коллективного воображения, ведь он может останавливать оба механизма, «ослепляющих» нас перед антиутопической современностью.

Вместе с политическим требованием ББД частично возвращается «вера» в автоматизацию. В ситуации «предательства» General Intellect как доиндивидуальной силы кооперации, автоматизация здесь предстает как призыв вернуться к пониманию General Intellect Маркса¹.

Утверждение Срничека и Уильямса о необходимости настаивать на отмене труда и воспроизводстве жизни вне его границ является на этом полюсе общим местом. Можно провести параллель с дискуссией по поводу положения Маркса об упразднении труда как цели революции². Упразднение труда означало устранение труда в его капиталистической форме, а «будущий способ труда представлялся Марксу настолько отличным от господствующего, что он не хотел одним и тем же термином “труд” обозначать материальный процесс капиталистического и коммунистического общества»³. Между тем, Срничек и Уильямс не оставляют здесь неопределенности. Материальный процесс посттрудового общества должен быть полностью автоматизирован⁴. Дэвид Гребер же скорее склонен думать о будущем, где главной парадигмой труда станет труд заботы⁵.

¹ См.: *Маркс К.* Фрагмент о машинах [Электронный ресурс]. https://vk.com/wall-171948503_1036 (дата обращения 11.05.2021 г.).

² Напр. см.: *Маркс К.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 1955. Т. 3. С. 70.

³ Маркузе Г. Разум и революция. С. 374.

⁴ Вопрос о нравственном характере ухода за людьми авторы оставляют политически «подвешенным». См.: С. 165.

⁵ См.: *Гребер Д.* После пандемии мы не сможем больше заснуть / Пер. с англ. С. Лагутина. [Электронный ресурс]. URL: <https://akrateia.info/posle-pandemii-my-ne-smozhem-snova-zasnut/> (дата обращения 11.05.2021 г.).

2.3. Черты отличий и сближений.

Рассмотрев наши полюса, мы можем суммировать их отличия и сходства.

Первый пункт, по которому можно провести линию, — это проблема воспроизводства. На I полюсе¹ воспроизводство понимается как главная онтологическая деятельность. Мы говорили в первом параграфе этой главы, отвечая на какие проблемы, обосновывается это понимание и акцент. Здесь только заметим, что направленность на «слияние» онтологического и политического горизонта необходимо устраняет дуализм производящих и воспроизводящих сил. Любые материальные, социальные, языковые и др. процессы должны быть здесь поняты в положительной онтологической динамике производящих сил. Эта установка Негри, Хардта и Вирно критикуется в рамках традиции постоперазма М. Лаззарато: «Согласно такой точке зрения, историческое поражение рабочего класса в действительности привело бы к победе рабочей силы, потому что капиталистические предприятия были бы “больше не в состоянии централизовать производительные силы и интегрировать рабочую силу, как они делали во времена большой индустрии”»² — пишет он. Таким образом, на онтологическом уровне исключается возможность негативного производства, а значит и любые структуры господства понимаются, скорее, как патологические процессы утвердительных сил способности, желания, чувства и т. д. Если в марксистской революционной традиции критика Лаззарато может быть обоснована, то феминистические и экологические аспекты I от такой критики защищены.

¹ Далее, для удобства, мы будем обозначать первый полюс как I, а второй как II.

² «Производительная сила капитализма — это война». Интервью с Маурицио Лаззарато.

На II полюсе проблема воспроизводства встает иначе. В этом отношении интересен характер утверждения Срничека и Уильямса, которые приводят распространенный аргумент в пользу ББД о том, что «мы все работаем на производство и воспроизводство капитализма, наша деятельность также заслуживает вознаграждения»¹. Если распространить этот аргумент на *избыточное население*, исключенное из процесса капиталистического производства, то получается, что его «работа» в отношении капитализма заключается как раз в том, что оно из него исключено. Здесь прослеживается важный переворот классической левой перспективы, так как капитализм начинает пониматься как хоть и приобретший над нами власть, но *наш* способ производства. Перспектива, которую Гребер охарактеризовал так: «если “экономика” что-то и значит, так это то, как мы обеспечиваем друг друга тем, что нам нужно для жизни (во всех смыслах этого слова)»². Как раз тогда, когда *наш* способ обеспечивать друг друга перестает нас обеспечивать, то он начинает «питаться» самим нашим существованием. Ровно настолько, насколько капитализм плох, ровно настолько мы, в этом специфическом смысле, работаем на его производство и воспроизводство. Противоположностью нашей работы на него становится его работа на нас. Наша гипотеза состоит в том, именно здесь проходит главное различие в концептуализации труда на I и II. Проблема онтологического воспроизводства социального мира в конечном счете является общей для них, но на II есть необходимость удерживания смысла понятия труда, чтобы указать на разрыв, происходящий в современном капиталистическом обществе, когда наша деятельность, смысл и целеполагание которой в том, чтобы служить нашей жизни, безвозвратно перестает это делать. Тогда сама исторически сложившаяся форма этой деятельности — труд — как причина этого положения должна быть устранена. Необходимость производства и воспроизводства нашей социальной жизни,

¹ Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. С. 177.

² Гребер Д. После пандемии мы не сможем больше заснуть.

таким образом, никуда не уходит, но их способы должны быть переизобретены. Сама логика производительности труда тогда тоже попадает под подозрение: «Посттрудовая реальность уничтожает главную причину стремиться к росту производства и числа рабочих мест — а именно разрывает связь между доходом и трудом и таким образом создает возможность для образования новых связей между этими движениями»¹.

Вернемся напоследок к вопросу о ББД. Опираясь на различие в понимании труда, которое мы предложили, можно различить характер рассмотренных нами аргументов с каждой из сторон. Аргумент Хардта и Негри тогда будет заключаться в том, что социальная заработная плата должна была бы стать формой причастности всех к неизмеримой стоимости, которая коллективно производится. А обобщенный аргумент Срничека, Уильямса и Гребера можно было бы в шутку назвать налогом, взимаемым с капитализма за то, что его логика окончательно и бесповоротно отделилась от общественной ценности.

¹ Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. С. 272.

Заключение

В этой работе мы провели анализ двух важных конфликтных направлений современной концептуализации труда. На его основе мы выдвинули гипотезу о проблеме, лежащей в основании их конфликта. Эту проблема проходит по линии понимания характера современного капиталистического состояния. С одной стороны, упрощая, оно рассматривается, скорее, как негативный этап онтологического процесса формирования общего социального мира. С другой, как полностью отчужденное от нашего смысла социального воспроизводства. Соответственно с этим различаются для них и смысл проекта ББД.

Если попробовать предположить, в каком направлении может развиваться дальнейшая работа по концептуализации понятия труда, исходя из рассмотренных установок, то, как нам кажется, то смысл общества посттруда, в котором, согласно проекту Срничека и Уильямса, жизнь должна воспроизводиться «за пределами труда», в некотором смысле созвучен смыслу «постимперского» будущего множества. Проблемой здесь остается роль переноса понятий производства и стоимости в мир «чистого» социального воспроизводства. Можно предположить, что проблема производительности за пределами капиталистической формы труда может быть решена иначе, чем через понятие роста¹. Такое решение дало бы основание для новой концептуализации труда как раз пространстве, отмеченном посттрудовыми теориями как «мир без труда».

¹ О росте производительности труда множества см.: Хардт М., Негри А. Империя. С. 333.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Мы можем ненавидеть мир с любовью». Интервью с Эндрю Кальпом // Логос. 2020. Т. 30. №5.
2. Гребер Д. После пандемии мы больше не сможем снова заснуть / Пер. с англ. С. Лагутина. [Электронный ресурс]. URL: <https://akrateia.info/posle-pandemii-my-ne-smozhem-snova-zasnut/> (дата обращения 11.05.2021 г.).
3. «Рост количества бредовых рабочих мест». Интервью с Дэвидом Гребером / Пер. с англ. С. Лагутина. [Электронный ресурс]. URL: <https://akrateia.info/rost-kolichestva-bredovykh-rabochikh-mest/> (дата обращения 11.05.2021 г.).
4. *Standing G.* Basic Income: And How We Can Make It Happen. London, 2017.
5. *Weeks K.* The Problem with Work: Feminism, Marxism, Antiwork Politics, and Postwork Imaginaries, Durham NC: Duke University Press, 2011.
6. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина; Под ред. Д.М. Носова. — СПб.: Алетейя, 2000.
7. *Беннетт Д.* Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / Пер. с англ. А. А. Саркисянца. — Пермь: Гиле Пресс, 2018.
8. *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / Пер. с ит. А. Петровой. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
9. *Гваттари Ф.* Три экологии / <https://syg.ma/3ecologies>, 01.05.2021.
10. *Гребер Д.* Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда / Пер. с англ. А. Арамян, К. Митрошенков — М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.
11. *Делез Ж, Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. С фр. Д. Кралечкина. — Екатеринбург: У-Фактория, 2008.

12. *Делез Ж.* Спиноза // Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / Пер. с фр. — М.: ПЕР СЭ, 2001
13. *Деррида Ж.* Глобализация, мир и космополитизм / Пер. с фр. Д. Ольшанского // Космополис. 2004. №2 (8). [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20090306043722/http://es-dejavu.net/g/Globalization.html#derrida> (дата обращения 26.04.2021 г.).
14. *Дьяков А.* Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006.
15. *Жижек С.* Актуальность манифеста коммунистической партии / Пер. с англ. В. Квачева., В. Терентьев, Д. Цымбала., И. Хадаева, Н. Третьякова, С. Грехов. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/zizekdaily?w=wall-185255911_12744 (дата обращения 22.04.2021 г.)
16. *Земан И.* О солиарности: шесть принципов энергетике и общества после нефти / Пер. с англ. С. Бардашева. [Электронный ресурс]. URL: <https://syg.ma/@aleksanderbarda/o-soliarnosti-shiest-printsipov-enierghietiki-i-obshchiestva-poslie-niefti> (дата обращения 10.05.2021 г.).
17. *Латур Б.* Где приземлиться? Опыт политической ориентации / Пер. с фр. А. Шестакова. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.
18. *Латур Б.* Политики природы / Пер. с фр. Е. Блинова. — М: Ад Маргинем Пресс, 2018.
19. *Лукач Г.* Что такое ортодоксальный марксизм // История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике / Пер. с нем. — М.: Логос-Альтера, 2003

20. *Маркс К.* Фрагмент о машинах [Электронный ресурс]. https://vk.com/wall-171948503_1036 (дата обращения 11.05.2021 г.).
21. *Маркс К.* Энгельс Ф. Собрание сочинений, 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1960. Т. 23.
22. *Маркс К.* К критике политической экономии — Л.: Госполитиздат., 1949.
23. *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 года // Из ранних произведений — М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.
24. *Маркузе Г.* Разум и революция / Пер. с англ. А. П. Шурбелева. — СПб.: Владимир Даль., 2000.
25. *Маяцкий М.* Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля // Логос. 2015. Т. 25. №3. С. 81-83.
26. *Митрофанова А.* О феминизме как одной из новых философий, его связи с новым материализмом и хрупкости жизни // Лес. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://l-e-s.online/feminism-mitrofanova> (дата обращения 02.05.2021 г.).
27. *Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / Пер. с англ. Н. Охтин. — М.: Strelka Press, 2019.
28. *Срничек Н., Уильямс А.* Манифест акселерационистской политики // Логос. 2018. Т. 28. №2.
29. *Хардт М., Негри А.* Империя / Пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М.: Праксис., 2004. — С. 363-374.
30. *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Культурная революция, 2006.
31. *Цзин А.* Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма / Пер. с англ. Ш. Мартынова. — М: Ад Маргинем Пресс, 2017.

32. *Шиповалова Л.* Научная объективность в исторической перспективе: дис. док. филос. н. — СПб., 2014. — С. 23-24. [Электронный ресурс]. URL:
<http://philosophy.spbu.ru/userfiles/kathedras/scitech/Shipovalova/Shipovalova-dissertazia.pdf> (дата обращения 29.04.2021 г.).
33. *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт / Пер. с нем. А. В. Михайловского; Под ред. Д.В.Скляднева. — СПб.: Наука, 2000.